

Еще раз о ссоре Пушкина с Воронцовым

О ссоре Пушкина с Воронцовым написано очень много. Оно и понятно. Это событие является поворотным моментом пушкинской биографии. Ссора привела к ссылке поэта в Михайловское, что в какой-то, может быть, очень важной степени определило всю его дальнейшую творческую жизнь.

Непосредственным поводом для написания этой небольшой статьи стала сравнительно недавно появившаяся в серии «Жизнь замечательных людей» книга Вячеслава Афанасьевича Удовика «Воронцов»¹, где интересующей нас проблеме уделено значительное внимание. «Жизнь замечательных людей», конечно, не академическое, но все-таки вполне добротное издание. Поэтому предлагаемые в таком издании суждения заслуживают внимательного отношения и оценки, если таковая понадобится.

Однако начнем по порядку. Самый краткий обзор истории вопроса в данном случае необходим.

Как хорошо всем известно, Пушкин во время пребывания в Одессе крупно поссорился с начальником края М. С. Воронцовым. На основании докладного письма Воронцова к гр. Нессельроде было приказано «исключить его из списков чиновников Министерства иностранных дел за дурное поведение». Александр I нашел необходимым «удалить его в имение родителей, в Псковскую губернию, под надзор местного начальства»². Это был страшный удар, фактически ломавший всю жизнь поэта. Из свободного человека он превращался в сыльного, опального отщепенца.

Можно отметить несколько этапов в изучении и оценке этого эпизода биографии Пушкина.

Первый, когда друзья и близкие, сочувствуя сыльному, обвиняли в происшедшем прежде всего его самого. (У Воронцова была заслуженная репутация умного, либерального и просвещенного вельможи.) «Он (Пушкин. — М. А.) натворил новых проказ <...>. Вся вина — с его стороны» (кн. Вяземская); «Виноват один П<ушкин>» (А. И. Тургенев)³.

¹ Удовик В. А. Воронцов. М.: Молодая гвардия, 2004 (ЖЗЛ).

² Цит. по: Летопись 1999. Т. 1. С. 417.

³ Там же. Т. 1. С. 406, 413.

Итог этим оценкам подводит П. В. Анненков (1873), знавший еще многих современников поэта:

...в этом странном споре сторона, обладавшая властью и всеми средствами для уничтожения безрассудного сопротивления, показала умеренность, сдержанность и достоинство, стоящие вне всякого сомнения. <...>

...гр. Воронцов нисколько не думал о триумфе, а, напротив, думал о том, чтоб расстаться с беспокойным подчиненным, как можно мягче, благороднее и гуманнее.⁴

Действительно, Воронцов, обращаясь к начальству (министру внутренних дел Нессельроде), нигде прямо не жалуется на Пушкина, не говорит ни о каких репрессиях, он только просит удалить поэта из Одессы, перевести в другое место⁵. В этом смысле и начинает действовать А. И. Тургенев, хлопоча о переводе Пушкина во Псков, в канцелярию генерал-губернатора губерний прибалтийских и Псковской — Паулуччи⁶.

На следующем этапе начинают накапливаться материалы, уточняющие поведение Воронцова. Они проясняют его настроения и, в общем, резонно ставят под сомнение его полную непричастность к гонениям на поэта. В опубликованных письмах Воронцова явственно чувствуется личная неприязнь: «не люблю его манер»⁷. Воронцов просит «избавить» его от Пушкина, он будет очень рад «не иметь его в Одессе»⁸. Могущественный начальник «не такой уже поклонник его таланта» и вообще весьма скептически относится к поэтическому дарованию Пушкина: «...он думает, что он уже великий стихотворец, и не воображает, что надо бы еще ему долго почитать и поучиться...»; «...кружат ему голову и поддерживают в нем убеждение, что он замечательный писатель, между тем как он только слабый подражатель малопочтенного образца (лорд Байрон)...»⁹. Все это сопровождается уверениями, что сам Воронцов не имеет ничего личного против поэта, что удаление из Одессы будет лучше для самого Пушкина: «удалить его отсюда — значит оказать ему истинную услугу»¹⁰; «прошу об этом только

⁴ Анненков П. В. Пушкин в Александровскую эпоху. Минск, 1998. С. 179, 182.

⁵ См.: Летопись 1999. Т. 1. С. 383; А. С. Пушкин: Документы к биографии. 1799—1829. СПб., 2007. С. 414—416.

⁶ Летопись 1999. Т. 1. С. 413.

⁷ Там же. С. 376.

⁸ Там же. С. 394, 387.

⁹ Там же. С. 376, 387, 383; А. С. Пушкин: Документы к биографии. С. 416.

¹⁰ Летопись 1999. Т. 1. С. 383—384; А. С. Пушкин: Документы к биографии. С. 416.

ради него самого; надеюсь, моя просьба не будет истолкована ему во вред, и вполне убежден, что, согласившись со мною, ему можно будет предоставить более возможностей развить его рождающийся талант, удалив его от того, что так ему вредит, — от лести и сообщения ему вредных и опасных идей»¹¹.

Только однажды (разумеется, исходя лишь из наших достаточно скудных сведений) прекрасно воспитанный, всегда сдержанный Воронцов дал, впрочем только устно и в достаточно приватной обстановке, выход своему долго копившемуся раздражению. В ответ на ходатайство Вигеля он «побледнел, губы его задрожали, и он сказал мне: “<...> если вы хотите, чтобы мы остались в прежних приятельских отношениях, не упоминайте мне никогда об этом мерзавце”»¹².

Нужно при этом заметить, что сам Пушкин неоднократно высказывался намного грубее, чем его в общем сдержанный и достаточно корректный начальник. В письмах он называл Воронцова «вандал, придворный хам и мелкий эгоист» (письмо А. И. Тургеневу от 14 июля 1824 г. — Акад. Т. 13. С. 103), писал злые и несправедливые эпиграммы и не препятствовал их распространению.

В советском литературоведении поведение Пушкина безусловно оправдывалось, а все поступки его гонителя оценивались однозначно негативно.

В последнее десятилетие к важнейшему эпизоду биографии Пушкина обратились исследователи жизни и деятельности М. С. Воронцова В. О. Кацик и В. А. Удовик, в основном последний¹³. Как это часто бывает с не очень опытными авторами, герой исследования превратился в рыцаря без страха и упрека, лишённого всяких недостатков, благородного, безусловного правого во всех жизненных ситуациях, в том числе, конечно, и в отношениях с Пушкиным.

---

¹¹ А. С. Пушкин: Документы к биографии. С. 416.

¹² *Вигель Ф. Ф.* Записки. М., 1928. Т. 2. С. 245. Этот рассказ Вигеля, обладавшего превосходной памятью, представляется весьма правдоподобным: незачем было автору спустя много лет называть Пушкина «мерзавцем», хотя бы и устами Воронцова. Мемуары Вигеля «обычно точны в описании тех событий, в которых В<игель> принимал участие лично...» (*Зубков Н. Н.* Вигель // Русские писатели. 1800—1917: Биогр. словарь. М., 1989. Т. 1. С. 440).

¹³ См.: *Кацик В. О., Удовик В. А.* 1) М. С. Воронцов и А. С. Пушкин. СПб., 1997; 2) Был ли М. С. Воронцов врагом А. С. Пушкина. СПб., 1999, 2000; *Удовик В. А.* 1) Е. К. Воронцова и А. С. Пушкин, СПб., 2001, 2002; 2) Одессея А. С. Пушкина. СПб., 2004; 3) Одесские грации А. С. Пушкина, СПб., 2004; 4) Воронцов. М., 2004 (ЖЗЛ); 5) Пушкин и чета Воронцовых. СПб., 2007. В этой, кажется последней, книге автор без изменения повторяет свою концепцию, изложенную в предыдущих работах.

В объемистой (более 400 стр.) книге Удовика «Воронцов» проблеме Пушкин / Воронцов уделено две главы — это сорок страниц текста (то есть 10% всего объема). Поскольку Воронцов а priori является человеком безупречного и благородного поведения, а Пушкин, как известно, великий поэт и национальный гений, то перед автором встала очень трудная задача: доказать, что не только Воронцов любил и уважал Пушкина, заботился о его безопасности, но и что вспыльчивый поэт, несмотря на отдельные несправедливые выходки, уважал и ценил благородного вельможу.

Для доказательства этого тезиса в книге напечатаны два отрывка из писем Воронцова к А. А. Фонтону. Они в корне меняют все привычные представления об истинном отношении Воронцова к Пушкину. Приводим по книге Удовика две цитаты из этих «писем».

В первой содержится оценка пушкинского поэтического таланта:

А талант у него, конечно есть. Каюсь, но я только недавно прочел его знаменитый «Руслан», о котором столько говорили. Приступил я к чтению с предвзятой мыслью, что похвалы преувеличены. Конечно, это не Расин, но молодо, свежо и занятно. Что-то совсем особое. Кроме того, надо отдать справедливость Пушкину, он владеет русским языком в совершенстве. Положительно звучен и красив наш язык. Кто знает, может быть, и мы начнем вскоре переписываться по-русски... Если Вы не читали, прочитайте «Руслана» — стоит.¹⁴

Итак, Воронцов вдруг переменяет свое суждение: он больше не считает Пушкина «слабым подражателем малопочтенного Байрона» и почему-то сравнивает автора шутивно-сказочной поэмы с Расином, а не, скажем, с Ариосто, или Попом, или Буало.

В другом «письме» рассказывается легендарный эпизод о саранче. Воронцов, оказывается, вполне одобряет и скоропалительное (через несколько дней вместо месяца) возвращение поэта из командировки в Одессу и его «отчет» о проделанной работе. Кстати, это «письмо» становится безусловным доказательством того, что Пушкин действительно написал незамысловатые вирши о саранче, которые не включаются ни в одно собрание его сочинений:

Полковник X., — пишет Михаил Семенович, — явился ко мне с докладом крайне возмущенный и показал мне рапорт Пушкина о своей командировке. Мой милый Фонтон, Вы никогда не угадаете, что там было. Стихи, рапорт в стихах! Пушкин писал:

Саранча летела, летела
И села.
Сидела, сидела — все съела
И снова улетела.

---

¹⁴ Удовик В. А. Воронцов. С. 154.

Полковник метал гром и молнию и начал говорить мне о дисциплине и попрании законов. Я знал, что он Пушкина терпеть не мог, и пользовался случаем. Он совсем пересолил и начал уже *мне* указывать, что мне делать следует...

Принесите мне закон, который запрещает подавать рапорты в стихах, осадил я его. Кажется, такого нет. Князь Суворов Итальянский, граф Рымникский, отправил не заместнику, а самой императрице рапорт в стихах: «Слава Богу, слава Вам, Туртукай взят, и я там».

<...> Вечером начал я читать другие отчеты по саранчe. На этот раз серьезные, подробные и длинные-предлинные. Тут и планы, и таблицы, и вычисления. Осилит я один страниц в 30 и задумался — какой вывод? Сидела, сидела, все съела и вновь улетела... — другого вывода сделать я не мог. <...> Мне стало смешно, и гнев мой на Пушкина утих. По крайней мере, он пощадил мое время. Действительно, наши средства борьбы с этим бичом еще слишком первобытны.¹⁵

Далее Удовик пишет: «Это письмо характеризует Михаила Семеновича как умного, находчивого, ироничного, а по отношению к Пушкину внимательного и заботливого человека». Может быть, и так. Беда только в том, что ничего подобного Воронцов, по всей видимости, никогда не писал.

«Письма» цитируются Удовиком по книге Н. Я. Эйдельмана «Вьеварум»¹⁶. Авторитет ученого настолько высок, а содержание писем настолько интересно, что с первого взгляда трудно сообразить, почему за сорок лет (первая публикация этих «писем» имела место в 1968 г.¹⁷) подобные первоклассные тексты не вошли в широчайший научный оборот.

Нам придется остановиться на истории создания и публикации этих документов. Она вкратце такова. Воронцов действительно дружил с известным дипломатом Антоном Антоновичем Фонтонем (1780—1864) и находился с ним в переписке. Архив Фонтоня хранился у его сына Николая Антоновича, русского посланника в Бухаресте. В 1901 г., уходя в отставку, Фонтон подарил этот архив своему младшему другу и сослуживцу А. С. Сомову¹⁸.

В архиве, если верить А. С. Сомову, находились письма Воронцова, в которых говорилось о Пушкине. Об этих письмах Сомов сообщил

¹⁵ Там же. С. 165.

¹⁶ Книга выдержала три издания: Вьеварум. М., 1975; Вьеварум. Лунин. М., 1995; Вьеварум. М., 2007.

¹⁷ Эйдельман Н. Я. «Саранча летела и... села» // Знание — сила. 1968. № 8. С. 30—35; № 9. С. 37—42.

¹⁸ См.: *Аринштейн Л. М.* К истории высылки Пушкина из Одессы: Легенды и факты // ПИМ. Л., 1982. Т. 10. С. 293—295.

одесскому библиотекарю А. М. Дерibasу (де Рибасу), а тот поделился своими сведениями с М. А. Цявловским. В дневнике Цявловского 22 декабря 1928 г. сделана запись о встрече с де Рибасом.

Во время войны с Германией (имеется в виду Первая мировая война. — М. А.) Сомов с архивом был в Бухаресте, а потом попал на Румынский фронт и погиб. [Обо всем этом рассказывал А. С. Сомов А. М. де-Рибасу, которому хотел отдать]. Но А. С. Сомов по памяти записал текст этих писем (подлинники были написаны на франц. языке), приводя местами и франц. фразы. Эти записи Сомов хотел отдать де-Рибасу для публикации, но не успел это сделать и умер. Спустя некоторое время сын А. С. Сомова Александр Александрович Сомов в 1928 году прислал де-Рибасу эти записи отца, которые де-Рибас привез в Москву...¹⁹

Бросятся в глаза некоторые несообразности этой записи. Если А. С. Сомов погиб, то как он мог «записать по памяти» и тем более рассказать о письмах де Рибасу? Если погиб, то когда передал сыну? Кроме А. С. Сомова, этих писем никто не видел. Оригиналы исчезли. Но А. С. Сомов якобы запомнил текст, восстановил его по памяти и хотел отдать де Рибасу.

Позднее Т. Г. Цявловская дополнила запись мужа:

Прошло тридцать лет. А. М. де-Рибаса давно нет в живых. Он ничего из этого не опубликовал. Так все это и кануло. — *Т. Ц. 3. XII. 1958*
Впрочем, его бумаги находятся в гос. архиве в Одессе — видела данные об этом в Каталоге личных фондов в ЛБ. — *Т. Ц. 24. IV. 62*
А часть архива де-Рибасов сожжена его вдовой, незадолго до ее смерти, в Одессе. См. письмо ко мне от ..... из Одессы, от ..... числа.²⁰

Отталкиваясь от дневниковых записей Цявловских (они будут напечатаны много позже — в 2000 г.), Н. Я. Эйдельман в 1967 г. отправился на поиски бумаг Сомова. Со свойственным ему талантом и блеском ученый рассказал о своих поисках и находках в детской книжке «Въеварум»²¹.

В Одессе Эйдельман обнаружил письма А. С. Сомова к де Рибасу, и оказалось, что они рисуют несколько иную картину исчезновения писем Воронцова, чем рассказ де Рибаса. Итак, сам А. С. Сомов не погиб (он умер в 1928 г.), но оригиналы писем сгорели, однако ко-

¹⁹ *Цявловский М., Цявловская Т. Вокруг Пушкина / Изд. подгот. К. П. Богаевская, С. И. Панов. М., 2000. С. 78, 242—243.*

²⁰ Там же. С. 78—79.

²¹ В передаче Н. Я. Эйдельмана из дневниковой записи Цявловского устранены несообразности: «Во время войны (1914—1918 гг.) архив погиб. Но А. С. Сомов по памяти записал текст этих писем...» (*Эйдельман Н. Я. Въеварум. М., 1975. С. 29.*)

пии каких-то отрывков, вероятно в переводе на русский язык, все же уцелели. В первом письме, найденном Эйдельманом и помеченном (очевидно, публикатором) концом 1927 г., А. С. Сомов сообщает сведения об архиве Фонтонна, сильно отличающиеся от рассказа де Рибаса Цявловскому:

Перед самой революцией, выйдя в отставку, поселился я в своем маленьком хуторе в Ямпольском уезде Подольской губернии <...>. В конце 1917 года на хутор мой нагрянули солдаты, уходившие с румынского фронта, разграбили и сожгли дом. <...>
Из архива Фонтонна сохранились лишь выписки из писем Воронцова к А. Фонтону по поводу Пушкина и об известном рапорте в стихах о саранче...

Далее автор письма просит адресата помочь напечатать эти рукописи «за скромный гонорар»²².

Итак, сохранились «выписки», то есть отрывки из, видимо, переведенных А. С. Сомовым подлинных писем Воронцова. О том же сообщает Сомов и в следующем письме от 3 января 1928 г.: «Заметку об архиве Фонтонна с *выдержками* из писем гр. Воронцова о Пушкине и саранче переписываю и вышлю Вам для ознакомления»²³.

Однако А. С. Сомов переслать «выдержки» не успел. Сделал это его сын, А. А. Сомов. О бумагах, полученных от Сомова, и рассказывал де Рибас М. А. Цявловскому в конце 1928 г. Дальнейшая их судьба выясняется из писем литературоведа С. П. Шестерикова к жене — К. П. Богаевской:

7 августа 1938 года. С. П. Шестериков пишет Ксении Петровне из Одессы в Москву, что пошлет через несколько дней *рукопись Сомова о Пушкине (Фонтон)*. Подарил мне ее Александр Михайлович Дерibas (ныне покойный)... О Сомове я дал справку на обложке. Может быть, Музей Пушкина соблазнится и приобретет.²⁴

Музей действительно приобрел эту рукопись. Фонды музея позднее были переданы в Пушкинский Дом. Там Н. Я. Эйдельман, продолжая свои поиски, и обнаружил эту рукопись в 1967 г. Первоначально он рассказал о своей находке в журнале «Знание — сила».

Рукопись называется «А. С. Сомов. Письма Воронцова к Фонтону о Пушкине». Она представляет собой три ученических тетради советского времени. В первой находится записка Эйдельмана:

---

²² Там же. С. 34.

²³ Там же. С. 35. Курсив наш.

²⁴ Там же. С. 44.

Автор действительно А. С. Сомов, но объяснительная записка составлена сыном А. А. Сомовым (по записи М. А. Цявловского в тетрадях его «Вокруг Пушкина», хранящихся у Т. Г. Цявловской).

Н. Я. Эйдельман. 28/XI — 67²⁵

Действительно, изложение содержания писем Воронцова предваряется объяснениями сына. Однако не только эта «объяснительная записка», но и все три тетрадки написаны сыном А. С. Сомова, что и отметил Н. Я. Эйдельман в первой публикации:

Почерк почти школьный, отнюдь не аристократический, есть и ошибки во французских словах. Дипломат А. С. Сомов так писать не мог. Но тут я вспоминаю, что в записи М. А. Цявловского <...> сказано, что документ тот вручил Дерibasу после смерти А. С. Сомова его сын Александр Александрович Сомов...²⁶

В «объяснительной записке» сына история возникновения тетрадей рассказывается иначе, чем у Цявловского, и, в общем, сходно с письмами А. С. Сомова к де Рибасу:

Отец подготовил уже для печати (письма Воронцова о Пушкине. — М. А.), но уходившие с румынского фронта солдаты сожгли наш дом. Погибло все, но через две недели (обратим внимание на этот срок! — М. А.) отец по памяти почти дословно возобновил свою работу. Забыл только точные даты писем, фамилию полковника в Одессе, прямого начальника Пушкина и его врага...

5 сентября. Сад «Новая Швейцария».
1928. А. Сомов.²⁷

Затем пересказывается содержание писем Воронцова к Фонтону. Этот текст обильно процитирован Эйдельманом. Оттуда обширные цитаты попали в книгу В. А. Удовика.

Тетради А. А. Сомова содержат не письма, а только их пересказ. Перед нами сплошной текст без дат, без деления на отдельные письма. Он от начала до конца написан явно в то же время (сентябрь 1928 г.), теми же чернилами, тем же ясным и разборчивым «школьным» почерком А. А. Сомова, как и его «объяснительная записка».

Сразу возникает несколько вопросов. Если письма были восстановлены по памяти «через две недели», то почему перед нами текст, написанный в 1928 г.? Если в том же году Сомов старший писал, что «выдержки переписывает», то почему перед нами неточный (без имен

---

²⁵ ПД, ф. 244, оп. 17, № 123, л. 3—4.

²⁶ Эйдельман Н. Я. Саранча летела... и села // Знание — сила. 1968. № 9. С. 41.

²⁷ ПД, ф. 244, оп. 17, № 123, л. 3—4.

и дат) пересказ? Наконец, если писал Сомов-старший, то почему посланные де Рибасу тетрадки написаны его сыном? Если А. А. Сомов переписал записки отца, то где же оригиналы? Почему он ничего не сказал об этом в «объяснительной записке»?

Ответить на подобные вопросы некому, но они невольно вызывают сомнение в подлинности якобы погибшей в огне рукописи (если таковая существовала). Добавим еще, что к 1928 г. сведения, сообщаемые Сомовыми, можно было почерпнуть из опубликованных материалов.

Однако Цявловские отнесли к рассказам де Рибаса со свойственной старшему поколению пушкинистов доверчивостью. Они а priori исключали возможность намеренной фальсификации. Как справедливо пишет Т. И. Краснобородько, «эти ученые были людьми высокой культуры и строгих этических принципов». Они подходили «к вновь найденному документу с позиции презумпции невиновности»²⁸. Оценивая рассказ де Рибаса, Цявловский восторгался:

Текст записей представляет совершенно исключительный интерес. Возможно, что Сомов что-нибудь прибавил и «закруглил», но мне кажется, в общем, записи верно передают как содержание писем Воронцова, так и тон их. В частности, этими письмами считающийся в последнее время легендой рапорт Пушкина в стихах о саранче подтверждается.²⁹

Однако репутация А. С. Сомова была в глазах специалистов достаточно сомнительной, и ученый позднее с сожалением изменил свое отношение к этим семейным рассказам и записям. Вот рассказ К. П. Богаевской:

В 1938 году пушкинисты взволновались из-за обнаруженных в Одессе записок о Пушкине Н. М. Еропкиной. Я рассказывала М. А., со слов С. П. Шестерикова, о сомнительной репутации владельца их, потомка Еропкиной А. С. Сомова. М. А. посмотрел на меня детскими глазами и задумчиво произнес: «Значит, вообще он враль был? Как странно, ведь из хорошей семьи».³⁰

К сожалению, «справка на обложке», в которой Шестериков дал характеристику Сомову и, видимо, усомнился в достоверности «писем», в архивном деле не сохранилась.

---

²⁸ Краснобородько Т. И. История одной мистификации: (Мнимые пушкинские записи на книге Вальтера Скотта «Айвенго» // Легенды и мифы о Пушкине. 3-е изд. СПб., 1999. С. 284.

²⁹ Цявловский М., Цявловская Т. Вокруг Пушкина. С. 78.

³⁰ Богаевская К. П. Рядом с Цявловскими // Там же. С. 18.

Подводя итоги нашему краткому обзору, можно сказать, что, по-видимому, письма Воронцова действительно существовали (сгорели!?)³¹. Весьма вероятно, что в 1824 г. Воронцов писал в них о Пушкине. И, по всей видимости, то же самое, что в хорошо известных письмах Киселеву, Лонгинову, Нессельроде. Пересказ Сомова очень похож (или опирается) на эти письма. Жаль, что письма к Фонтону исчезли. Они могли бы внести дополнительные нюансы в биографии и Пушкина, и Воронцова. Однако очень трудно поверить, что скептик и англоман Воронцов вдруг начал читать вышедшую четыре года назад поэму и хвалить стихи человека, которого, в лучшем случае, сильно недолюбливал. Еще менее можно поверить в трогательную сказку о добром начальнике, который восхищается неуклюжими и хамскими стихами. Показательно, что А. С. Сомов в обоих письмах к де Рибасу упоминает этот «рапорт в стихах о саранче». По-видимому, полностью сочинив этот рассказ, он мог считать его самой интересной частью «писем».

Исследователи справедливо отмечают: «...то, что записал потом Сомов, — похоже на его собственное сочинение»³². «Здесь возможны любые искажения, и без всестороннего текстологического анализа никакие операции с предложенным Сомовым текстом, разумеется, неправомерны»³³. Я. Л. Левкович подозревала Сомова в «намеренной мистификации».

Сам Н. Я. Эйдельман поначалу пришел в восторг от своей находки. Получив в Пушкинском Доме папку с рукописью А. А. Сомова, он записал в дневнике: «7. XII <1967>. Радостная расшифровка Антона Фонтонна (Сомова). Какая радость, что это не подделка, что не Александр Сергеевич, но А. А. Сомов»³⁴. «Расшифровкой» Н. Я. Эйдельман называет находку искомой рукописи, конец поисков. Странная радость по поводу того, что текст написан сыном, а не отцом, объясняется, думается, сомнительной репутацией старшего Сомова, о которой Эйдельману приходилось слышать в кругу Цявловской, особенно когда он рассказывал там о находке в Одессе мемуаров Еропки-

---

³¹ Об этом убедительно писал в упомянутой выше статье М. Л. Аринштейн. Правда, среди сохранившихся писем Фонтонна к Воронцову отсутствуют письма за 1823—1824 гг. (см.: *Эйдельман Н. Я.* Саранча летела... и села // Знание — сила. 1968. № 9. С. 42). Может быть, в эти годы они не переписывались.

³² *Левкович Я. Л.* Документальная литература о Пушкине (1966—1971 гг.) // Врем. ПК 1971. Л., 1973. С. 70.

³³ *Аринштейн Л. М.* К истории высылки Пушкина из Одессы. С. 294.

³⁴ Дневники Натана Эйдельмана / Подгот. Ю. Эйдельман. М., 2003. С. 63.

ной, записанных А. С. Сомовым³⁵. Поскольку текст написан сыном, то исследователь поначалу решил, что это служит подтверждением его подлинности. Публикуя рукопись (в больших извлечениях), он проявил бóльшую осторожность и скептицизм, хотя и оценил степень ее достоверности недостаточно строго (так ему хотелось, чтобы воспоминания Сомова о письмах Воронцова были верны).

Естественно, что выдавать рукопись младшего Сомова с изложением писем Воронцова то ли со слов старшего Сомова, то ли по его восстановленным «выдержкам» за подлинные письма Воронцова, тем более безо всяких оговорок, как это делает В. А. Удовик, невозможно. Правильнее всего из осторожности исключить ее при разборе столь сложного вопроса, как ссора Пушкина с Воронцовым. Таким образом, мы по-прежнему остаемся в пределах давно и хорошо известных текстов. Некоторые отрывки из них мы цитировали в начале настоящей заметки.

На основании этих текстов образ Воронцова, написанный, однако, одними черными красками, прочно утвердился и в научной, и в популярной литературе. Некоторую квинтэссенцию сложившихся представлений о Воронцове представляет собою хлесткая характеристика его действий в предназначенной для школьников биографии Пушкина, написанной Ю. М. Лотманом: «Он окружил Пушкина шпионской сетью, распечатывал его письма и непрестанно восстанавливал против ссыльного поэта петербургское начальство»³⁶.

Такая односторонняя интерпретация имеющихся документов не совсем справедлива. Воронцов действительно приказал следить за Пушкиным³⁷, но писем его, конечно, не распечатывал, не доносил на него, не жаловался, не настраивал против поэта петербургское начальство, не накликал на него никаких кар — он просто хотел избавиться от человека, которого терпеть не мог, однако в письмах к начальству держал себя сдержанно и достаточно корректно.

Я не буду говорить об умолчаниях и натяжках, с помощью которых автор книги о Воронцове, используя давно опубликованные

---

³⁵ См.: *Эйдельман Н. Я.* Вьеварум. С. 64—71. Ср.: *Левкович Я. Л.* Документальная литература о Пушкине (1966—1971 гг.). С. 68—69.

³⁶ *Лотман Ю. М.* Александр Сергеевич Пушкин: Биография писателя // Лотман. Пушкин. С. 94—95.

³⁷ Правитель канцелярии М. С. Воронцова А. И. Казначеев писал кишиневскому полицмейстеру Я. Н. Радичу: «Граф пишет ко мне из Крыма, чтобы я просил невидимо присмотреть за пылким молодыком: что где он вредное говорит, с кем водится и какое будет его занятие или прохождение времени» (*Иовва И. Ф.* Пушкин в документах дела Алексеева—Радича // РЛ. 1978. № 4. С. 106.

и хорошо известные материалы, приходит к прямо противоположным, чем большинство пушкинистов, выводам. Однако можно сказать, что эти попытки все же имеют некоторую специфическую ценность. Палку в советские времена перегнули настолько грубо, что столь же сильно перегнуть ее в другую сторону может оказаться на какое то время даже полезным. Тем более что, по-видимому, вовсе не Воронцов был главным виновником суровой кары, обрушившейся на Пушкина. Им был император Александр I, отличавшийся сильной злопамятностью и не простивший Пушкину его убийственных эпиграмм. Сам поэт это знал: «Я поссорился с Воронцовым <...>. *Тиверий рад будет придраться*; а европейская молва о европейском образе мыслей графа Сеяна обратит всю ответственность на меня» (письмо П. А. Вяземскому от 24—25 июня 1824 г. — Акад. Т. 13. С. 98. Курсив наш). Тиверий (Тиберий), прославившийся своей жестокостью, здесь, конечно, сам Александр I, а Сеян, коварный и всемогущий временщик, был интриганом и умело устранял неугодных ему людей. Таковы очевидные исторические подтексты пушкинского письма, из которого явствует, что главную роль в его судьбе играет сам «Тиберий». Очевидно, со слов брата о том же пишет Вяземскому и Лев Сергеевич: «Воронцов требовал его удаления как человека вредного для общества <...> и государь, *обрадованный случаем*, сослал его в деревню, под надзор правительства с запрещением въезжать даже в уездные города...»³⁸ С. А. Фомичев справедливо замечает, что «Пушкин <...> ответственность за гонения возлагал прежде всего на царя, а вовсе не на Воронцова...»³⁹.

Так оно и было на самом деле. Стоит вчитаться в документы, вышедшие из-под пера Нессельроде, как становится ясным, кто в действительности решил судьбу поэта. Приведу только две цитаты из этих писем. 16 мая 1824 г. Нессельроде пишет Воронцову: «Я представил Императору Ваше письмо о Пушкине. Он был вполне удовлетворен тем, как Вы судите об этом молодом человеке <...>. Но что касается того, что окончательно предпринять по отношению к нему, он оставил за собою дать свое повеление во время ближайшего моего доклада»⁴⁰. А в письме от 11 июля 1826 г. министр сообщает: «...император, дабы дать почувствовать ему всю тяжесть его вины, приказал

³⁸ Цит. по: Летопись 1999. Т. 2. С. 16. Курсив наш.

³⁹ Фомичев С. А. Эпиграммы Пушкина на графа Воронцова // ПиС (Нов. серия). СПб., 1999. Вып. 1 (40). С. 168. Более подробно о роли царя в высылке Пушкина из Одессы, об отношении поэта к Александру I см.: *Альциуллер М. Г.* Между двух царей: Пушкин 1824—1836. СПб., 2003. С. 11—83.

⁴⁰ Летопись 1999. Т. 1. С. 398. Курсив наш.

мне вычеркнуть его из списка чиновников министерства иностранных дел, мотивируя это исключение недостойным его поведением»⁴¹.

Пушкин все это прекрасно понимал. Глубокую неприязнь к императору он сохранил почти до конца жизни. Только в последнее пятилетие размышления о судьбах России изменили личные пристрастия и антипатии и общая оценка Александра тоже начала меняться. В то же время к своему бывшему начальнику он довольно быстро теряет интерес. После 1826 г. имя Воронцова почти не встречается в пушкинских текстах.

---

⁴¹ А. С. Пушкин: Документы к биографии. С. 435; см. также: Летопись 1999. Т. 1. С. 416.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

**ПУШКИН
И ЕГО СОВРЕМЕННОКИ**

Сборник научных трудов

Выпуск 5 (44)

«Нестор-История»
2009